

Лера Тёмная

11Б



По ту сторону парты.
Или дневник классного
руководителя (2 часть).

Лера Тёмная
По ту сторону парты.
Или дневник классного
руководителя (2 часть)

*<https://litres.ru/74073351>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Это и есть «учитель», Лёш, — она грустно улыбнулась. — Мы как те свечи: сгораем, чтобы светить другим, но иногда так хочется просто... просто не гореть. Хотя бы пару дней.

История учителя, который стал классным руководителем (из личного дневника преподавателя).

Лера Тёмная

По ту сторону парты.

Или дневник классного руководителя (2 часть)

По ту сторону парты. Или дневник классного руководителя.

(2 часть)

Глава 1.

Тишина 26 августа — самая оглушительная. Она не такая, как в июне, когда всё дышит облегчением. Эта тишина — как затишье перед эпическим сражением. В воздухе уже не пахнет каникулами, в нем пахнет свежей мастикой, хлоркой и неизбежностью.

Дома я отодвинул чашку с остывшим чаем и открыл первую страницу нового блокнота. Белизна бумаги в свете настольной лампы казалась почти агрессивной. В пустой квартире тишина давила на уши, и только за окном изредка шуршали шины машин, напоминая о том, что город живёт, пока я пытаюсь собрать воедино осколки смыслов.

Я приставил ручку к бумаге, и рука слегка дрогнула.

«26 августа. 23:40.

Странное чувство. Я смотрю на их фотографии в соцсе-

тях: Артем на каком-то фестивале, Лиза с новой стрижкой, Марк в аэропорту... Я вроде бы соскучился. Я хочу увидеть их лица, услышать их нелепые шутки и этот вечный шум в коридоре. Но одновременно с этим я чувствую глухую, свинцовую усталость.

Еще даже не прозвенел первый звонок, а я уже чувствую, как моя жизнь снова перестает мне принадлежать. С 1 сентября я снова стану «Алексеем Николаевичем» — человеком, который должен знать ответы на все вопросы, разруливать чужие драмы и не иметь права на собственную слабость. Опять по кругу: отчеты, родительские чаты, Инна Борисовна с её вечным недовольством. Моё время, мои мысли, мои вечера — всё это снова будет расписано по минутам в школьном расписании. Где в этом «педагогическом процессе» остаюсь я сам? И остаюсь ли вообще?»

Я посмотрел на Аллу. Она сидела на диване, перебирая какие-то методички, и в её глазах я видел то же самое отражение — смесь преданности делу и тихой обреченности. Мы оба были заложниками этой системы, которую сами же выбрали.

— Ты о чем-то не о том пишешь, — тихо сказала она, не поднимая глаз. — У тебя лицо такое, будто ты приговор подписываешь. — Почти, — я закрыл блокнот. — Просто понял, что через пять дней я снова стану собственностью школы. Знаешь, что самое страшное? Что я этого хочу и боюсь одновременно.

— Это и есть «учитель», Лёш, — она грустно улыбнулась. — Мы как те свечи: сгораем, чтобы светить другим, но иногда так хочется просто... просто не гореть. Хотя бы пару дней.

Я подошел к окну. Город засыпал. Завтра начнется суэта. первый официальный педсовет, запах краски в коридорах и та самая точка невозврата

Утром из 24 кабинета разносился шум. Я схватил стопку плакатов с портретами реформаторов XIX века и начал яростно крепить их к стене. Стук степлера раздавался в пустом кабинете №24 как выстрелы. Я выравнивал рамки по линейке, двигал парты, переставлял книги на полках — я создавал идеальный порядок вокруг себя, надеясь, что он хоть немного утихомирит хаос внутри. Я так увлекся этой механической работой, что не услышал, как открылась дверь.

— Ты решил превратить кабинет в музей строгого режима? — голос Аллы звучал приглушенно.

Я обернулся, сжимая в руке пачку скрепок. Она стояла в дверях, бледная, прислонившись плечом к косяку. В руках она сжимала какую-то синюю папку — официальный цвет школьных приказов.

— Пытаюсь структурировать реальность, — ответил я, вытирая пот со лба. — А ты чего такая? Вид такой, будто ты

только что увидела привидение в кабинете биологии.

Алла молча подошла к первой парте и почти упала на стул. Она положила папку перед собой.

— Кузнецова из 8-го «А» уволилась. Сегодня утром. Просто положила заявление на стол и сказала, что уезжает в Питер. Прямо сейчас, перед самым сентябрем.

Я замер. 8-й «А» был бедой нашей школы. Это был класс-катастрофа. Тридцать человек, находящихся в самом пике подросткового гормонального взрыва, которые за прошлый год довели до нервного тика двух учителей-предметников. — И?.. — у меня внутри всё похолодело. — Марина Сергеевна нашла замену? — Нашла, — Алла подняла на меня глаза, полные какой-то безнадежной иронии. — Она вызвала меня и сказала, что у неё нет выбора. Что только я смогу «удержать их в узде». Лёша, она назначила меня их классным руководителем.

Я медленно опустился на стул. Моя «идеальная» картина мира, которую я выстраивал последние полчаса, рухнула.

— 8-й «А»? — переспросил я. — Но это же... это же конец. Конец нашим вечерам, конец спокойным проверкам тетрадей, конец всему. Ты же знаешь, что такое «восьмиклассники в кризисе». Это работа 24/7. Тебя будут вызывать в школу по ночам, потому что кто-то из них застрял на крыше или разбил окно в торговом центре.

— Я знаю, — она закрыла лицо руками. — Я пыталась отказаться. Говорила, что у меня нагрузка, что я не справ-

люсь, что я итак взяла еще часы преподавателя химии. Но Марина Сергеевна включила свой «режим директора»: «Алла Игоревна, школа в беде, дети брошены, вы — наш лучший кадр».

Я подошел к ней и положил руку на плечо. Та самая «усталость», о которой я писал в блокноте ночью, только что увеличилась вдвое. Теперь не только моя жизнь перестала принадлежать мне — жизнь Аллы тоже была конфискована системой.

— Мы планировали, что этот год будет про нас, — тихо сказал я. — Про 11-й «Б», про музыку, про то, как мы будем поддерживать друг друга...

— Теперь мы будем поддерживать 8-й «А» и 11-й «Б», — Алла горько усмехнулась и открыла папку. — Смотри, тут уже список «проблемных». Пятнадцать человек из тридцати. Лёша, моя жизнь превращается в бесконечный родительский чат. Опять.

Я посмотрел на свои ровно развешанные портреты. Они смотрели на меня со стен с тем же равнодушием, с которым система перемалывала наши личные планы.

Я посмотрел на список «проблемных» в синей папке Аллы и почувствовал, как внутри закипает бессильное раздражение.

— Пятнадцать человек из тридцати, — повторил я, глядя на фамилии.

— Алла, ты же понимаешь, что это значит? Это не класс,

это штрафбат. И самое паршивое — ты от них не избавишься. Алла подняла на меня усталый взгляд.

— О чем ты?

— О том, что выгнать кого-то из школы в наше время — это почти нереально, — я со злостью пнул стол. — Система выстроена так, что ученик может хоть на голове стоять, хоть кабинет истории разнести, а ты будешь обязана его «социализировать». Марина Сергеевна костыми ляжет, но не даст исключить ни одного человека, потому что это испортит отчетность, вызовет проверку из департамента и лишит школу финансирования. Ты заперта с ними в одной клетке на ближайшие два года.

Алла открыла папку на странице с характеристиками.

— Тут написано, что за двумя из них уже приглядывает участковый. А их родители... Лёша, тут у половины семей статус «в трудной жизненной ситуации». Это значит, что на каждый их косяк я буду писать по десять объяснительных: почему я не провела профилактическую беседу, почему не зашла к ним домой в субботу вечером, почему не предусмотрела, что они решат поджечь шторы в актовом зале.

Я подошел к окну и посмотрел на школьный двор. Там, на лавочках, уже кучковались какие-то подростки в мешковатых худи — наверняка те самые «восьмиши», пришедшие потусить. Они громко ржали и толкали друг друга, не подо-

зревая, что их судьба на ближайший год только что решилась в этом кабинете.

— Мы опять в ловушке, — тихо сказал я. — Мой 11-й «Б» — это хотя бы финишная прямая, там есть надежда на финал. А твой 8-й «А» — это болото. Они выпьют из тебя все соки, Алла. Ты будешь приходить домой и молчать часами, потому что у тебя не останется слов.

— И что мне делать? — она захлопнула папку. — Уволиться, как Кузнецова? Бросить всё за пять дней до сентября?

Я промолчал. Мы оба знали ответ. Мы слишком «правильные» для таких демаршей. Система знает, на ком ездить — на тех, у кого есть совесть. — Знаешь, что самое ироничное? — Алла горько усмехнулась. — Инна Борисовна уже в курсе. Она встретила меня в коридоре и сказала: «Ну вот, Алла Игоревна, теперь вы по-настоящему почувствуете вкус нашей работы. А то всё цветочки да гербарии...» Она счастлива, Лёша. Она видит в этом твой и мой проигрыш.

Я отложил ручку и посмотрел на свежие чернила в новом блокноте. Слова ложились на бумагу тяжело, словно я фиксировал не планы на четверть, а хронику затяжного отступления.

«27 августа. Кабинет №24.

Я смотрю на Аллу и понимаю: школа — это идеальный механизм по переработке человеческих смыслов в отчетную документацию. Уволился один — его нагрузку, его «проблем-

ных» детей, его головную боль просто перевешивают на того, кто еще стоит на ногах. Без вопросов «справишься ли?», без права на отказ. 8-й «А» — это не просто класс. Это диагноз. Это полтора десятка подростков, на которых все остальные махнули рукой. И теперь Алла должна стать для них и матерью, и надзирателем, и психологом за те копейки, что доплачивают за классное руководство. Самое страшное — это чувство предсказуемости. Я знаю, как пройдет их первая встреча, я знаю, как Инна Борисовна будет смаковать каждый промах Аллы. Я чувствую, как моя собственная жизнь, которую я только-только начал собирать по кусочкам в этом «Гараже» и в наших тихих вечерах, снова растворяется в школьных коридорах. Мы — как атланты, которым на плечи подкидывают лишние кирпичи, просто потому что мы еще не рухнули. Но у любого фундамента есть предел прочности».

Я посмотрел на Аллу. Она всё еще сидела над синей папкой, и в свете ламп дневного света её лицо казалось почти прозрачным. В этот момент в коридоре послышался топот, а затем дверь кабинета №24 распахнулась. На пороге стоял Артем. Его обычно веселое лицо было напряжено.

— Алексей Николаевич, там это... — он запнулся, глядя на Аллу. — В общем, ваш новый 8-й «А» уже прибыл на «предварительное знакомство». Они стащили ключи у охранника и вскрыли лаборантскую химии и сейчас пытаются выяснить, что будет, если смешать всё, на чем есть эти-

кетка с черепом. Инна Борисовна хочет вызвать МЧС, а Марина Сергеевна ищет вас.

Я медленно встал, чувствуя, как внутри что-то окончательно обрывается. 27 августа. Учебный год еще не начался, а мы уже на передовой. Алла поднялась со стула с такой невозмутимостью, будто шла не на место происшествия, а за чашкой кофе. Она не бежала, не кричала «стойте!» и даже не ускорила шаг. Я двинулся следом, готовый к худшему — к едкому дыму, искрам или хотя бы к дикому хохоту.

Возле лаборантской химии уже металась Инна Борисовна.

— Алла Игоревна! Ну, где вы?! Они же сейчас взорвут всё здание! Я звоню в полицию, я звоню родителям! Алла даже не повернула головы в её сторону. Она мягко отстранила завула рукой, открыла дверь своим ключом и вошла внутрь.

В лаборантской было жарко. Пятеро парней в широких штанах и с вызывающими взглядами окружили стол, на котором в широкой кювете уже что-то подозрительно шипело и пузырилось серой пеной. Они смешивали обычный медный купорос с содой и моющим средством, надеясь на эффектный бабах.

— Слабовато, — негромко произнесла Алла, подходя к столу.

Парни вздрогнули. Самый рослый, с выбритыми висками, вызывающе сплюнул на пол:

— О, химичка пришла. Щас лекции начнутся про вред химии для неокрепших организмов.

— Лекции — это скучно, — Алла спокойно окинула взглядом их «варево». — Вы пытаетесь получить углекислый газ, но у вас концентрация никудышная. Будет просто много грязной пены, которую вам же потом и отмывать. Она достала из кармана связку ключей. Парни притихли, глядя, как она подходит к несгораемому шкафу, где хранились реактивы первой группы опасности.

— Если уж решили устроить шоу, делайте это красиво.

Алла открыла шкаф, достала банку с дихроматом аммония и насыпала горку оранжевого порошка на асбестовую сетку.

— Смотрите внимательно. Это называется «Вулкан Бётгера». Если добавить немного магниевой стружки... — она обернулась к притихшим восьмиклассникам. — Кто хочет поджечь? Только осторожно, это не вейп, тут температура реальная.

У парня с висками отвисла челюсть. Он нерешительно взял спички. Через секунду по лаборантской посыпались зеленые искры, «вулкан» начал расти, выбрасывая хлопья «пепла», а в полумраке комнаты это выглядело как настоящий портал в преисподнюю.

— Офигеть... — прошептал кто-то из толпы. — А оно не рванет?

— Если будете слушать меня — не рванет, — Алла стояла в свете оранжевого пламени, и её рыжие волосы казались частью этой химической реакции. — Химия и биология — это не картинки в учебнике. Это власть над материей. Но эта власть принадлежит только тем, у кого мозги работают быстрее, чем руки. Я стоял в дверях, наблюдая, как Инна Борисовна за моей спиной медленно оседает по стенке, хватаясь за сердце. Она явно не ожидала такого «педагогического метода». Алла повернулась к парням, когда пламя угасло:

— А теперь, господа «алхимики», у вас есть десять минут, чтобы привести стол в идеальное состояние. А потом мы с вами пойдем в кабинет и обсудим, почему в моем классе никто не делает скучных вещей. И да... — она посмотрела на лидера. — Спички верни. Курить за школой будете завтра, сегодня у нас другие планы.

Тот самый парень с висками (его зовут Дэн) после уборки подошел к Алле: «Эммм, Алла Игоревна... А если мы реально будем учить эту вашу муть, вы нам покажете, как сделать дымовуху, чтоб на пол-района?»

Алла не вздрогнула и не прочитала нотацию о вреде хулиганства. Она медленно закрыла несгораемый шкаф, повернула ключ и, не оборачиваясь, ответила:

— На пол-района — это статья, Дэн. А я не планирую передавать тебе передачи в колонию для несовершеннолетних,

у меня на тебя другие планы. Она повернулась к нему, скрестив руки на груди. Дэн, который был на полголовы выше её, под этим взглядом почему-то перестал сутулиться.

— Но если ты сдашь мне зачет по безопасности и дашь СВОЁ слово — продолжила Алла, — я научу тебя делать сценический туман и цветные файеры. Такие, которые используют на концертах. Идёт?

Дэн недоверчиво хмыкнул, переглянувшись с пацанами.

— Сценический? Это типа как у рокеров?

— Именно. Мой 11-й «Б» как раз собирает группу. Им нужны спецэффекты, которые не сожгут школу, но заставят всех открыть рты. Если вы, «химики», докажете, что у вас в голове не только опилки, но и мозги — станете нашими технарями. Будете отвечать за свет и дым.

Я видел, как у парней загорелись глаза. Это был не просто подкуп, это был входной билет в мир «старшаков», в мир рок-музыки и крутости, о котором восьмиклассники только мечтали.

— По рукам, — Дэн протянул ей ладонь, испачканную в саже. — Но чур, если завалю зачет — вы дадите ещё шанс.

— Если завалишь, — Алла пожала его руку, не поморщившись от грязи, — будешь весь сентябрь драить скелет в кабинете биологии зубной щеткой. И поверь, я найду самую старую щетку.

Когда они вышли, я подошел к ней. В лаборантской всё

еще пахло горелой серой и каким-то странным, почти забытым азартом.

«— Это было рискованно», — сказал я, улыбаясь. — Ты только что пообещала научить главных хулиганов школы делать пиротехнику.

— Лёш, — она устало опустилась на лабораторный табурет. — Либо они будут делать её под моим присмотром, изучая химию, либо они сделают её завтра в туалете по рецепту из интернета и снесут пол-этажа. Я просто выбрала меньшее из зол. И, кажется... — она посмотрела на свои испачканные пальцы. — Кажется, я только что нашла способ примирить 8-й «А» с реальностью.

В блокноте появилась запись.

«27 августа.

Педагогика — это не про правила. Это про то, как направить взрывную волну в нужное русло. Алла сегодня совершила невозможное: она превратила потенциальных поджигателей в потенциальных инженеров. Но теперь у нас новая проблема. Если Инна Борисовна донесёт свою версию событий до Марины Сергеевны, то можно будет писать по собственному желанию».

Алла обвела взглядом лаборантскую, где на столах еще осели серые хлопья «вулканического пепла». Она прикусила губу — этот жест всегда означал, что в её голове биологические цепочки уступают место стратегическому планированию.

— Знаешь, Лёш, — тихо сказала она, поправляя выбившийся рыжий локон. — А ведь это выход. Если я просто буду вести у них уроки, они сдохнут от скуки и сожгут школу через месяц. Им не нужны учебники, им нужно чувствовать силу в своих руках. Она подошла к окну и открыла его, впуская свежий августовский воздух.

— Я открою кружок. Официально. «Юный химик» или что-нибудь более звучное, вроде «Лаборатории Х». Мы выьем под это часы как под внеурочную деятельность. Если они будут заняты здесь по вечерам, у них не останется времени на ерунду в подворотнях.

Я усмехнулся, прислонившись к дверному косяку.

— Алла, ты понимаешь, что это значит? Это значит, что твоя жизнь превратится в бесконечный сериал «Разрушители легенд». Ты будешь жить здесь, в облаках дыма и запахе сероводорода.

— Зато я буду знать, что они не смешивают аммиак с хлоркой в школьном туалете, — она обернулась, и в её глазах снова вспыхнул тот азарт, который я так любил. — К тому же, Дэн... у него руки на месте. Ты видел, как он держал спичку? Ни один палец не дрогнул. Из таких получаются либо отличные хирурги, либо классные подрывники. Я попробую сделать из него первого.

«27 августа. 14:10. Лаборантская химии.

Алла решила идти ва-банк. Кружок «Юного химика» для

8-го «А» — это не просто педагогический ход, это попытка приручить стихию. Она хочет дать им легальный способ быть «опасными» и «крутыми». Моя задача — прикрыть её тылы. Марина Сергеевна подпишет приказ, если увидит в этом «профилизацию и работу с трудными подростками». Но нам нужно оборудование. Старые запасы школы годятся только для того, чтобы пускать пузыри из мыла. Если мы хотим, чтобы Дэн и компания реально учились, нам нужны спонсоры или... или придется снова трясти наш музыкальный бюджет».

Алла подошла ко мне и положила руку на плечо.

— Поможешь мне составить программу? Чтобы там было поменьше теории и побольше... ну, ты понял. Бабахов. Но безопасных.

— Помогу, — я накрыл её руку своей. — Но с одним условием: если они синтезируют философский камень, мы делим его пополам.

В этот момент в коридоре снова слышались голоса. Это был 11-й «Б». Ребята, привлеченные шумом и запахом гари, заглянули в лаборантскую. — Ого, — Артем потянул носом воздух. — Алексей Николаевич, Алла Игоревна, вы что тут, вызывали дух Менделеева?

— Почти, Артем, — ответил я. — Знакомьтесь, у вас появились техники по части спецэффектов. 8-й «А» теперь официально — «Лаборатория Х».

Глава 2.

Последние дни августа в школе напоминали муравейник, в который кто-то случайно плеснул адреналина. Актальный зал гудел от басов: Артем и К доводили до идеала звук, споря из-за каждой частоты. Лиза носилась с эскизами костюмов, а я пытался состыковать их творческий хаос с официальным сценарием линейки, который Инна Борисовна переписывала уже пятый раз. Но настоящая магия творилась этажом ниже Алла забаррикадировалась в лаборантской. На её столе, среди колб и микроскопов, теперь лежал ноутбук, заваленный скриншотами из «Безумного Макса» и записями с концертов Rammstein. Она готовила не просто лекцию, а манифест для своего нового кружка.

— Лёш, посмотри, — она подозвала меня к экрану, когда я зашел к ней в сумерках 30 августа. — Я нашла, как они делали цветной дым для «Оппенгеймера». Это же чистая химия солей металлов! Если я покажу это Дэну и его банде, они поймут, что формулы — это не скучные буквы, а рецепт того, как заставить тысячи людей ахнуть.

На экране сменялись кадры: огромные огненные шары, лазерные шоу, густой неоновый туман, стелющийся по сцене. Алла сделала слайд с заголовком: «Химия драйва: от алхимии до Голливуда».

— Я хочу, чтобы на первой встрече кружка у них перехватило дыхание, — продолжала она, и её глаза светились

азартом. — Расскажу им про ликоподий — пыльцу плауна, которой в театрах веками имитировали вспышки молний. Расскажу, как Голливуд использует жидкий азот. Если они увидят в химии инструмент создания миров, они перестанут быть разрушителями.

Я смотрел на неё — взъерошенную, с пятном от маркера на щеке, одержимую идеей спасти этот безнадежный 8-й «А» — и понимал, что влюбляюсь в неё снова. Не в «коллегу», а в этого невероятного человека, который отказывается сдаваться перед серостью системы.

— Ты гений, Алла Игоревна, — тихо сказал я. — Но ты понимаешь, что завтра на линейке 11-й «Б» выдаст такой звук, что твои «эффекты» им понадобятся уже к вечеру?

— Я на это и рассчитываю, — улыбнулась она. — Дэн уже трижды заглядывал сегодня, спрашивал, когда приносить реактивы. Кажется, он всерьез решил, что станет вторым Томом Харди по части пиротехники.

Вечером я открыл блокнот.

«30 августа. Ночь перед стартом.

Завтра — 1 сентября. Наш первый «общий» год. 11-й «Б» готов рвать шаблоны на линейке. Алла подготовила почву для своего химического десанта. Мы создаем в этой школе параллельную реальность, где музыка и наука — это не дисциплины, а способ выжить. Я смотрю на презентацию Аллы про спецэффекты и думаю: мы ведь тоже своего рода спецэффект. Два учителя, которые решили, что школа

— это не тюрьма. Главное, чтобы наш «взрыв» был созидательным».

Линейка началась стандартно: гимн, речи, первоклашки с бантами больше головы. Но когда пришло время «творческого подарка от выпускников», Артем ударил по струнам, а ребята обрушили на школьный двор плотный, вибрирующий ритм, толпа первоклассников инстинктивно присела, а Инна Борисовна схватилась за сердце. Но это было только начало.

Я стоял у края сцены, сжимая в кармане рацию. Мой взгляд встретился с Аллой — она стояла у окна второго этажа, в той самой лаборантской химии. Она едва заметно кивнула и подняла руку, давая сигнал тем, кто скрывался внутри.

— Сейчас! — выдохнул я в микрофон рации.

В тот момент, когда музыка достигла кульминации, из трех заранее подготовленных установок, замаскированных за колоннами школьного крыльца, с шипением вырвались мощные столбы густого дыма.

Это не был просто туман. Дэн и его «команда спецэффекта» из 8-го «А» под чутким руководством Аллы рассчитали всё до секунды.

Сначала в небо взметнулся ослепительно-белый шлейф. Секундой позже, чуть правее, расцвел насыщенный лазурно-синий. И, наконец, левый фланг закрыла ярко-красная завеса.

Над школьным двором под рев электрогитар и восторженный крик сотен голосов медленно поплыл гигантский дымовой триколор.

Это было настолько масштабно и при этом патриотично, что даже Марина Сергеевна, приготовившаяся было краснеть перед гостями из администрации, вдруг выпрямилась и начала аплодировать в такт музыке. Инна Борисовна застыла с открытым ртом: придраться было не к чему — это был флаг страны, исполненный с помощью «инновационных химических технологий».

Я видел, как Дэн высунулся из окна лаборантской, победно вскинув кулак. На его лице была сажа, но глаза светились таким восторгом, какого не вызовет ни одна компьютерная игра. Он посмотрел на Аллу, и она улыбнулась ему — не как учитель двоечнику, а как соавтор большого успеха.

Музыка стихла. Дым медленно рассеивался, оставляя в воздухе легкий запах жженого сахара и триумфа.

Вечером я открыл блокнот.

«1 сентября. 19:30.

Мы сделали это. Линейка, которая должна была стать скучной формальностью, превратилась в рок-фестиваль с государственным размахом. Триколор из дыма — это был гениальный ход Аллы. Она не просто «заняла» восьмиклассников, она дала им почувствовать себя героями дня. Дэн сегодня уходил из школы, высоко задрав голову.

Но я знаю, что за этим триумфом последует «разбор по-

летов». Инна Борисовна уже ищет нормативы по пожарной безопасности, а 11-й «Б» почувствовал вкус безграничной власти над толпой. Завтра начинаются будни. И эти будни будут жаркими».

Марина Сергеевна сидела в своем кресле, откинувшись на спинку. Перед ней на столе лежала распечатка из городского паблика: стоп-кадр с нашей линейки, где триколор из дыма накрывает школьный двор, и заголовок: «Школа №... открыла год с голливудским размахом».

— Это было красиво, — повторила она, и в её голосе смешались искреннее восхищение и директорская тревога. — Даже гости из департамента в какой-то момент перестали жевать бутерброды и начали снимать на телефоны. Но теперь, коллеги, давайте спустимся с небес на нашу грешную, пожароопасную землю. Она подалась вперед, сцепив пальцы в замок.

— Алла Игоревна, я видела Дэна и еще четверых ваших «алхимиков» после линейки. Они выглядели так, будто только что взяли Бастилию. И у меня к вам обоим вопрос: как вы собираетесь контролировать этот «взвод», когда им надоест патриотизм и они захотят сделать дым, скажем, ядовито-зеленым? Или решат проверить, что будет, если запустить такой эффект прямо в кабинете математики во время контрольной?

Алла спокойно выдержала взгляд директора.

— Именно для этого, Марина Сергеевна, я и создаю «Лабораторию Х». Контроль через интерес работает лучше, чем контроль через запрет. Дэн сегодня понял, что наука — это не скучно, это признание. И он знает: если он хоть раз использует эти знания вне кружка или без моего надзора, «кран» перекроется навсегда. Для него это привилегия, которую он боится потерять. — А я прослежу за дисциплиной со стороны старших, — добавил я. — Артем и ребята взяли «химиков» под свое крыло. Теперь для восьмиклассников это вопрос престижа — не подставить «своих». У нас образовалась вертикаль ответственности, если хотите.

Марина Сергеевна долго молчала, постукивая ручкой по столу.

— Вертикаль, значит... — она вздохнула. — Хорошо. Я подпишу приказ о создании кружка. Но учтите: любая искра, любой запах гари вне лаборантской — и я лично закрою вашу «Лабораторию», а вас отправлю писать объяснительные до самого выпуска. И еще... — она вдруг хитро улыбнулась. — На день учителя мне нужно что-то не менее эффектное. Но желательно без вызова МЧС. И да теперь за нашей школой следит отдельный человек — полковник в отставке Громов Валерий Степанович.

Мы вышли в пустой коридор. За окнами уже сгустились сумерки. — Ну что, «соучастница»? — я посмотрел на Аллу. — Первый раунд за нами. — Это не раунд, Лёш, — она устало прислонилась к стене. — Это мы только что подписа-

ли контракт с дьяволом в лице тридцати подростков с реактивами в руках. Знаешь, о чем Дэн спросил меня сразу после дыма?

— О чем?

— «Алла Игоревна, а мы можем сделать так, чтобы дым светился в темноте?» Кажется, спокойные вечера нам больше не грозят.

«2 сентября. 18:45.

Школа официально разрешила нам быть сумасшедшими. Но за это разрешение мы заплатили своей тишиной. Теперь каждый день — это балансирование на грани между педагогическим прорывом и техногенной катастрофой. Алла светится изнутри. Она нашла свой рычаг, чтобы перевернуть этот 8-й «А». А я... я просто надеюсь, что мои исторические параллели будут звучать так же убедительно, как её дымовые завесы.

Я зашел в кабинет №24 ровно со звонком. 11-й «Б» уже не был той разрозненной группой подростков, которую я встретил год назад. Теперь это была банда. Своя иерархия, свои шутки, свои шрамы. Я положил на стол стопку чистых листов, но на этот раз рядом с ними не было коробки для «анонимок».

— Итак, — я обвел их взглядом. — Прошлый год мы начали с того, что вы писали, за что ненавидите школу. Это было честно. Но сегодня правила меняются. Мы в одиннадца-

том. Время прятаться за анонимностью закончилось. Артем, который по привычке развалился на стуле, выпрямился.

— Сейчас я раздаю вам анкеты. Но на этот раз я прошу вас вверху написать свою фамилию. И ответить всего на два вопроса: **«Кем я хочу быть через год?»** и **«Что я готов сделать для этого прямо сейчас?»**. Без пафоса. Без того, что хотят услышать ваши родители или Инна Борисовна. Только правда.

Я начал раздавать листы. В классе повисла тяжелая, рабочая тишина. Слышно было только, как за окном ветер треплет листву каштанов.

Я ходил между рядами, наблюдая за ними.

Лиза писала быстро, почти не задумываясь — её путь в медицину был выстрадан и определен. Артем вертел листок, хмурился, а потом размашисто исписал его до самого края.

Когда я собрал листы, я не стал их убирать в папку. Я сел за стол и посмотрел на них.

— Эти листы — ваш контракт. Не со мной, не со школой — с самими собой. В мае мы их откроем и посмотрим, кто из нас остался верен своему слову, а кто просто сотрясал воздух. А теперь — история. Открываем тетради. Вечером, когда школа опустела, я остался один в кабинете. Передо мной лежали их «манифесты».

«3 сентября. Вечер. Запись в блокноте.

Итоги "анкетирования 2.0":

Артем: "Хочу, чтобы мать мной гордилась не из-за оценок, а потому что я человек. Готов пахать на репетициях и не завалить ЕГЭ по истории (обещаю)". Лиза: "Хочу поступить на бюджет. Готов(а) забыть про сон и соцсети".

Они повзрослели. В их целях больше нет детского "хочу стать космонавтом", там много страха, но еще больше — решимости.

Моя цель на этот год тоже изменилась. Раньше я хотел их защитить. Теперь я должен научить их побеждать. Даже если система будет против».

В четверг, в разгар большой перемены, дверь моего кабинета не просто открылась — она впустила в себя холодный фронт в лице Светланы Игоревны. Мама Лизы выглядела так, будто пришла на заседание Верховного суда, а не в обычную школу.

— Алексей Николаевич, мы должны поговорить. Немедленно, — она положила на мой стол свою брендовую сумку, как будто ставила печать на официальном документе.

Я жестом пригласил её присесть, но она осталась стоять.

— Лиза вчера обмолвилась, что вы заставили детей писать какие-то «контракты с самими собой». Под подписью. С планами на жизнь. Это правда?

— Это была анкета для классного часа, Светлана Игоревна. Обычная педагогическая практика для одиннадцатого

го класса — помочь ребятам сформулировать цели на год.

— «Обычная практика»? — её голос поднялся на октаву.

— Вы залезли в голову к несовершеннолетнему ребенку! Вы заставили её письменно зафиксировать то, что должно обсуждаться только в кругу семьи. Лиза в последнее время и так стала... неуправляемой. Все эти её решения, стрижки, отказ от престижных курсов... Я требую, чтобы вы немедленно отдали мне её лист. Я её мать, и я имею право знать, какую «ересь» вы ей внушили.

Я медленно встал. Напряжение в кабинете стало почти осязаемым. В дверях, как всегда в такие моменты, начали «случайно» притормаживать ученики. Я увидел Лизу — она стояла чуть поодаль, бледная, прикусив губу.

— Светлана Игоревна, — начал я максимально спокойно, — есть разница между «знать» и «контролировать». Лиза написала этот текст мне как классному руководителю на условиях доверия. Если я сейчас отдам вам этот лист, я разрушу всё, что мы строили год. Я не «внушал» ей ничего. Я просто дал ей бумагу, чтобы она услышала собственный голос.

— Вы нарушаете мои права как родителя! — Светлана Игоревна перешла на крик. — Я пойду к Марине Сергеевне! Я пойду в департамент! Вы настраиваете дочь против меня!

В этот момент в кабинет вошла Алла. Она не стала вмешиваться в спор, просто подошла к шкафу, якобы за журналом, но её присутствие подействовало как холодный душ.

— Светлана Игоревна, — тихо добавил я, глядя ей прямо

в глаза. — Если вы сейчас заберете этот лист силой, вы узнаете, что там написано. Но вы навсегда потеряете возможность услышать это от самой Лизы. Вы хотите прочитать документ или хотите, чтобы дочь вам доверяла?

Мама Лизы замерла. Она обернулась и увидела в коридоре дочь. Лиза смотрела на неё не с вызовом, а с какой-то бесконечной, взрослой усталостью. Этот взгляд ударил Светлану Игоревну сильнее, чем любые мои аргументы. Она резко схватила сумку.

— Это непедагогично, Алексей Николаевич. Вы играете в опасные игры. Когда она вихрем вылетела из кабинета, Лиза на секунду задержалась в дверях. Она не сказала «спасибо». Она просто кивнула мне и ушла.

Вечером в блокноте появилась новая запись:

«4 сентября. 21:15.

Родительский десант отбит, но какой ценой? Я понимаю страх Светланы Игоревны — она теряет власть над "идеальным проектом". Но Лиза — не проект. Я перечитал её анкету. Там была одна фраза, которую я никогда не покажу её матери: "Я хочу научиться говорить 'нет' без чувства вины".

Сегодня я помог ей сделать это в первый раз. Но завтра ей придется делать это самой. И не только дома, но и здесь, когда жизнь начнет их строить».

Глава 3.

Возвращение Марка Левицкого в школу не сопровождалось фанфарами, хотя, зная его отца, можно было ожидать как минимум кортежа. Всё произошло в обычный вторник, когда первый утренний туман еще цеплялся за верхушки школьных каштанов. Я стоял у окна в коридоре, наблюдая, как к воротам подкатил черный седан. Из него не вышел — вывалился — Марк. На нем была та же мятая косуха, в которой он уезжал в апреле, и старый чехол с бас-гитарой, обклеенный стикерами. Он не оглянулся на машину, которая тут же сорвалась с места, обдав его облаком выхлопных газов.

Марк стоял у входа, запрокинув голову и глядя на обшарпанный фасад нашей школы так, словно это был собор Нотр-Дам.

— Живой, — выдохнул Артем за моей спиной. Он появился как всегда внезапно, с неизменным рюкзаком на одном плече. — Гляньте на него, Алексей. Швейцария его не переварила.

Когда Марк вошел в вестибюль, дежурные десятиклассники даже не попытались проверить у него сменку. В его походке было что-то от человека, который прошел через что-то неприятное, а теперь он вернулся домой.

Он поднялся на второй этаж и остановился напротив нас с Артемом. Мы молчали. Тишина в коридоре стала звенящей. Марк обвел взглядом стены, расписание, Инну Борисовну, которая замерла в дверях учительской, и, наконец, посмотрел на нас.

«— В Цюрихе чертовски невкусный шоколад», — сказал он, и его голос, ставший на октаву ниже, слегка дрогнул. — И там никто не умеет настраивать комбики.

Артем первым сделал шаг вперед и с размаху ударил его по плечу, едва не сбив с ног.

— Ты опоздал на неделю, мажор. Мы уже распределили все соляки. — Я не мажор, — Марк криво усмехнулся, и я заметил, что в его глазах больше нет того холодного высокомерия. — Отец заблокировал все карты. У меня в кармане билет на автобус и триста рублей. Я официально... бомж 11-го «Б».

Я подошел и просто пожал ему руку. Она была ледяной.

— С возвращением, Марк. Заявление на восстановление уже у Марины Сергеевны?

— Она подписала его еще вчера, — ответил он, доставая из кармана помятый листок. — Сказала, что «школе нужны яркие личности, даже если они приносят одни проблемы».

Мы зашли в кабинет №24. Лиза, сидевшая за первой партой, медленно поднялась. Она смотрела на него так, будто видела привидение. Марк замер, перехватил чехол поудобнее.

— Привет, — тихо сказал он. — Я... я вернул книгу в библиотеку в Цюрихе. Но мне кажется, я забыл в ней закладку. Лиза ничего не ответила. Она просто подошла и обняла

его — крепко, на глазах у всего класса. Это было самое громкое заявление о начале учебного года.

«8 сентября. 09:15.

«Пазл сложился. Марк вернулся. Без денег, без благословения отца, но с абсолютным пониманием того, кто он есть. 11-й "Б" снова в полном составе. Теперь это не просто класс. Это группа людей, которые выбрали быть здесь вопреки всему. Марк привез из Европы не знания языков, а жажду свободы. И, кажется, именно он станет тем катализатором, который сорвет чеку в этом учебном году».

Вторая неделя сентября превратилась в марафон «профориентационной инквизиции». Я решил, что общих фраз достаточно — пора переходить к конкретике. Я вызывал их по одному в кабинет №24 после уроков. На столе перед нами лежал не классный журнал, а чистая «дорожная карта» для каждого.

— Итак, — говорил я, глядя на очередного «пациента». — Давай забудем про «хочу быть счастливым». Давай про цифры. Вуз, специальность, проходной балл прошлого года. Какие предметы сдаем на ЕГЭ?

Лиза пришла первой. Она положила передо мной распечатку из Первого Меда.

— Химия, биология, русский. Мне нужно 270+ баллов за три предмета.

— Жестко, — кивнул я. — Но реально. Задание тебе: найди в городе курсы при медакадемии или волонтерский центр. Тебе нужно увидеть «изнанку» профессии сейчас, а не на втором курсе.

Артем долго мялся, разглядывая свои кеды.

— Алексей Николаевич, ну какие вузы... Я музыку хочу.

— Музыка — это прекрасно, Артем. Но звукорежиссура в ГИТИСе или Институте культуры требует литературы и английского. Хочешь крутить ручки на топовых студиях? Учи матчасть. Твое задание: найди студию звукозаписи в городе, где пускают стажеров. Хоть полы там подметай, но слушай, как работают профи. Марк зашел последним. Он выглядел спокойным, но в глазах читалась сосредоточенность.

— Я не пойду в бизнес-школу, как хотел отец. Я выбрал юрфак. Хочу заниматься защитой авторских прав или гражданским правом. Предметы: история, обществознание, английский.

— Амбициозно, — я сделал пометку. — Задание для тебя: найди в городе дебатный клуб или молодежную юридическую клинику. Тебе нужно научиться превращать свою ярость в аргументы.

К пятнице мой блокнот был исписан графиками и ссылками. Я не просто давал им задания — я заставлял их выйти за пределы школьного забора.

«12 сентября. Запись в блокноте.

Я превратил кабинет истории в рекрутинговое агентство.

Результаты:

Лиза записалась в школу "Юного медика".

Артем нашел полуподвальную студию, где ему разрешили присутствовать на сведении треков.

Марк нашел городской дискуссионный клуб и, кажется, уже успел там с кем-то поспорить до хрипоты.

Главное достижение: они перестали смотреть на ЕГЭ как на казнь. Теперь это цена входного билета туда, где им будет по-настоящему интересно. Но есть и побочный эффект: Алла жалуется, что её восьмиклассники из "Лаборатории X" прознали про мои методы и теперь требуют "индивидуальных траекторий" и походов на химзавод».

Алла зашла в кабинет №24 в среду после уроков. Она не стала садиться, а просто прислонилась лбом к холодному стеклу книжного шкафа.

— Лёш, если я завтра еще раз услышу в лаборантской фразу «а давайте жажнем», я сама что-нибудь жахну, — глухо произнесла она. — 8-й «А» вошел в раж. Дэн почувствовал себя рок-звездой химии, и теперь они игнорируют технику безопасности, считая, что раз они «свои», то им можно

всё. У меня ресурс на нуле. Я кивнул. Педагогика — это не только вдохновение, это еще и вовремя выставленные флажки.

— Понял. Давай позовем «тяжелую артиллерию».

Через десять минут в кабинете собрались те из 11-го «Б», кто еще не убежал на свои новые курсы и студии: Марк, Артем и Лиза. Я вкратце обрисовал ситуацию: восьмиклассники «словили звезду» и превращают «Лабораторию Х» в опасный балаган.

— Короче, — Артем закинул ногу на ногу. — Мелкие берега попутали. Думают, что если они делают дым для нас, то они уже в банде. Надо им объяснить, что в банде есть субординация.

— Грубая сила не работает, — Марк поправил очки. — Если мы просто начнем ими командовать, они уйдут в оппозицию. Тут нужен психологический контракт. Они должны понять, что их «крутость» напрямую зависит от их ответственности.

— У меня есть идея, — Лиза подняла глаза от тетради. — Помните, Алексей Николаевич, вы нам давали задания найти кружки в городе? Давайте сделаем для них «Систему допусков». Как на настоящем производстве или в серьезных лабораториях.

Мы начали набрасывать план. 11-й «Б» включился в процесс с азартом — им нравилось чувствовать себя «старшими кураторами».

Итог нашего «мозгового штурма»:

Институт наставничества: За каждым «подрывником» из 8-го «А» закрепляется куратор из 11-го «Б». Хочешь делать спецэффекты? Твой куратор (например, Артем) должен подтвердить, что ты не накосячишь со звуком, таймингом и техникой безопасностью.

Лицензия на «Бабах»: Марк предложил ввести систему баллов. За каждый выученный параграф и соблюдение ТБ — баллы. Набрал норму — получаешь допуск к сложным реактивам. Нет — сидишь и моешь пробирки под присмотром Лизы.

Общий проект: Чтобы объединить их, мы решили поставить одну масштабную задачу: подготовить полноценное «Научно-музыкальное шоу» для городского фестиваля. 11-й «Б» отвечает за музыку и свет, 8-й «А» — за химические эффекты. Но любая ошибка в химии — и ты в штрафе вплоть до исключения.

Алла слушала нас, и на её лице постепенно проступала слабая улыбка.

— Значит, вы хотите сделать из них «технический персонал» с жестким регламентом? — уточнила она.

— Мы хотим сделать из них профи, Алла Игоревна, — серьезно ответил Артем. — А профи не балуются с огнем ради прикола. Профи работают на результат.

«15 сентября. 16:40.»

Наблюдаю удивительную вещь: 11-й «Б» взял на себя роль взрослых. Они не просто помогают Алле, они тренируют собственную ответственность через этих восьмиклассников.

Марк уже составляет «Кодекс Лаборатории Х», Лиза готовит чек-листы по безопасности, а Артем пошел в спортзал — «провести профилактическую беседу» с Дэном на его территории. Похоже, «Лаборатория Х» перерастает в нечто большее, чем просто школьный кружок. Это становится экосистемой, где старшие тянут младших. Главное, чтобы Дэн не воспринял это как попытку «приручения»».

Вечер застал нас в кабинете истории. За окном сентябрь окончательно перекрасил небо в глубокий индиго, а школьный двор опустел, оставив нас в коконе из мягкого света настольной лампы и запаха старых книг. Алла сидела на первой парте, поджав под себя одну ногу — поза, которую она позволяла себе только тогда, когда в здании не оставалось ни души, кроме сторожа дяди Саши.

— Ты видел их глаза, когда Марк зачитывал этот свой «Кодекс»? — тихо спросила она, вертя в руках колпачок от ручки. — Они ведь не злились. Они... сосредоточились. Как будто им впервые в жизни дали не просто запрет, а правила игры, в которую стоит играть.

— Им не хватало структуры, Алла, — я подошел и сел

на соседнюю парту. — Все вокруг только и делают, что говорят им «нельзя». А мы сказали: «Можно, но только если ты соответствуешь уровню». Это вызов. А восьмиклассники на вызовы клюют лучше, чем на нотации.

Алла на мгновение замолчала, глядя на пустую доску, где еще белели следы мела.

— Лёш, я сегодня поймала себя на мысли... — она запнулась, подбирая слова. — Что я боюсь. Не того, что они что-то взорвут. А того, что я не справлюсь с этой их верой в нас. Они ведь теперь смотрят на нас не как на учителей, а как на тех, кто знает дорогу. А я сама иногда чувствую себя так, будто иду в тумане с завязанными глазами.

Я накрыл её руку своей. Её пальцы были прохладными и слегка пахли какими-то реактивами — вечный спутник её «Лаборатории Х».

— Мы все в тумане, — мягко сказал я. — Разница только в том, что у нас есть фонарик, а у них — нет. И пока мы светим, они идут.

Алла улыбнулась, и это была та самая теплая улыбка, которая в прошлом году заставляла меня забывать о темах уроков.

— Знаешь, что Дэн сказал мне перед уходом? Он спросил: «Алла Игоревна, а если мы реально сделаем это шоу... мы сможем поехать на фестиваль в Питер?». Он никогда не был дальше нашего пригорода, Лёша. У него в глазах такая надежда была, что мне дышать стало трудно. Я притянул её

к себе, и она уткнулась лбом в моё плечо. В этой тишине вечерней школы, среди пустых парт и замерших портретов великих людей, мы были просто двумя людьми, которые пытались построить что-то настоящее в мире, где всё чаще ценится только отчетность.

«20 сентября. 21:15.

Вечер с Аллой — это мой личный «пункт подзарядки». Мы обсуждаем детей, химию, историю, их планы на ЕГЭ... и я понимаю, что мы стали для этого класса чем-то вроде родителей, которых у многих из них по-настоящему нет.

Она боится не справиться, я боюсь перегнуть палку. Но в этом страхе и есть наша сила — нам не всё равно.

Завтра суббота. Школа будет закрыта, но я уверен, что в чате "Лаборатории X" и 11-го "Б" будет жарко. Они уже начали рисовать эскизы для шоу. Похоже, этот год будет не про выживание, а про созидание. Если только Инна Борисовна не решит, что наше "шоу" нарушает устав школы по пункту "излишняя яркость"».

Понедельник. Актальный зал. 16:00. На сцене — 11-й «Б», за сценой и в проходах — «десант» из 8-го «А» под предводительством Дэна. Воздух наэлектризован так, что, кажется, волосы на затылке встают дыбом без всякой статики.

— Так, внимание! — я хлопнул в ладоши, пытаюсь перекрыть гул настраиваемых гитар. — Сегодня у нас первая «склейка». Мы пробуем совместить вступление к песне и первый дымовой залп. Дэн, твои люди на позициях? Дэн, об-

мотанный какими-то проводами, как заправский сапер, коротко кивнул:

— Всё четко, Алексей Николаевич. Шланги выведены, сопла под углом 45 градусов. Главное, чтобы ваши «рокеры» не оглохли от давления.

— Не беспокойся за нас, малёк, — отозвался Артем, ударив по струнам. — Ты главное в тайминг попади. Марк, давай ритм!

Марк выдал четкую, агрессивную дробь. Артем подхватил тяжелым риффом. Это был момент, когда должна была начаться магия. На четвертом такте, согласно нашему плану, сцена должна была погрузиться в плотный синий туман.

— Давай! — крикнул я Дэну.

Раздалось шипение, похожее на звук взлетающей ракеты. Но вместо эффектного тумана из-под сцены вырвалась струя серой взвеси, которая с оглушительным свистом ударила прямо в барабанную установку Марка. Марк от неожиданности выронил палочку, Артем сбился, а Лиза, стоявшая у микрофона, закашлялась.

— Глуши! Глуши всё! — заорал я.

Тишина наступила мгновенно, если не считать шипения осевшего «тумана», который пах почему-то скипидаром и жженой резиной.

— Вы что, издеваетесь?! — Марк вскочил из-за барабанов, его лицо было в мелких серых крапинках. — Вы мне

установку чуть не опрокинули этим своим «эффектом»! Дэн, ты куда целился, придурок?

— Слышь, ты, «звезда», — Дэн выскочил из-за кулис, его глаза горели обидой. — У нас сопло сорвало из-за того, что ваш бас дает такую вибрацию по полу, что крепления отлетают! Мы тут науку делаем, а не просто пукалки ставим!

— Науку? — Артем прыгнул со сцены, сокращая дистанцию. — Вы нам чуть микрофоны не залили этой жижей! Это не шоу, это сельская дискотека после взрыва на химзаводе!

Восьмиклассники сгрудились за спиной Дэна. 11-й «Б» встал стеной на краю сцены. Две «банды», два поколения, которые еще вчера договаривались о сотрудничестве, сейчас готовы были сойтись в рукопашной. Алла, стоявшая у пульта, побледнела и посмотрела на меня.

— Так, все замолчали! — я встал между ними. — Артем, на сцену. Дэн, отойди от шлангов.

— Алексей Николаевич, они нас не слушают! — выкрикнула Лиза. — Они делают всё по-своему, лишь бы «бахнуло» посильнее!

— А вы на нас смотрите как на прислугу! — огрызнулся один из парней 8-го «А». — «Принеси, подай, не мешай великим артистам»!

Я понял, что теория «интеграции» разбилась о суровую реальность подросткового эго. Одиннадцатый класс слишком гордился своим статусом «выпускников», а восьмой — своей «опасной» экспертизой в химии.

«22 сентября. 19:30.

Первая репетиция — полный провал. Синхронизации ноль. Вместо творческого союза мы получили холодную войну в актовом зале. Проблема глубже, чем сорванное сопло. 11-й "Б" не хочет делиться славой, а 8-й "А" не хочет быть просто фоном. Они не чувствуют себя одной командой. Для одних это "их песня", для других — "их эксперимент". Если я не найду способ объединить их общей болью или общей победой, шоу не будет. Будет только куча испорченного оборудования и взаимные обиды. Алла предложила устроить "разбор полетов" в неформальной обстановке, но я боюсь, что в закрытом пространстве они просто поубивают друг друга. Нужно что-то другое. Что-то, что заставит их зависеть друг от друга физически».

Глава 4.

Если классный час с детьми был разведкой боем, то родительское собрание в 11-м классе — это полномасштабная дипломатическая миссия в зоне интересов сверхдержав, где на кону не просто оценки, а «будущее, которое мы уже оплатили».

Перед собранием меня снова вызвала к себе Инна Борисовна. На её столе, как и год назад, высилась стопка бумаг, но теперь к ним добавились толстые папки с результатами пробных тестов.

— Алексей Николаевич, — её голос звучал как приговор,

— сегодня забудьте про свои «либеральные штучки». Родители на взводе. У половины класса баллы по русскому и обществу ниже плинтуса. А они у вас дым пускают в актовом зале. Вот анкеты. И не забудьте про «Анкету социального партнерства» — школе нужно обновить огнетушители после ваших... экспериментов.

18:30. Кабинет №24.

Взрослые люди за партами выглядели еще более напряженными, чем в прошлом году. Мама Артема Авдеева нервно крутила в руках список репетиторов. Папа Марка, прилетевший, видимо, специально, чтобы проконтролировать «блудного сына», не убирал телефон, но взгляд его был колючим. Светлана Игоревна, мама Лизы, сидела на первой парте с прямой спиной, готовая к атаке.

— Добрый вечер, — начал я, чувствуя, как в горле пересыхает. — У нас 11-й класс. Финишная прямая.

Я начал раздавать анкеты. Когда дошли до «партнерства» и взносов на нужды кабинета, в классе повисла та самая тишина, которую я так не любил. — Алексей Николаевич, — Светлана Игоревна подняла руку, не дожидаясь приглашения. — Давайте начистоту. Мы заполним все ваши бумаги. Но объясните мне: как «Научно-музыкальное шоу» поможет моей дочери поступить в Москву? Она тратит по три часа в неделю на эскизы и репетиции с какими-то восьмиклассниками. Это время, украденное у биологии.

— Это время, потраченное на то, чтобы она не выгорела

к январю, — спокойно ответил я. — Лиза идет на золотую медаль, но её уровень стресса зашкаливает. Шоу — это её отдушина.

— Отдушина не добавит баллов к ЕГЭ! — выкрикнул кто-то с задней парты. — Мой сын приходит домой с запахом химии и жужжит про какие-то «эффекты». Вы готовите их в цирковое училище или в вузы?

— Я готовлю их к жизни, где нужно уметь работать в команде, — я почувствовал, что пора переходить в наступление. — Вы видели их глаза на линейке? Они впервые почувствовали, что школа — это не тюрьма, а место, где они могут создать что-то крутое.

Папа Марка наконец убрал телефон.

— Сколько нужно на огнетушители и реактивы? — спросил он глухим басом. — Если мой сын вместо того, чтобы шляться по заброшкам, возится в школе с проводами и химией — я готов это субсидировать. Но я хочу видеть результат. Не просто «пшик», а проект, который можно будет вписать в портфолио для поступления.

Это был переломный момент. Класс разделился на «прагматиков» и «паникеров».

— Мы не будем «закрывать вопросы» только деньгами, — отрезал я, вспоминая прошлый год. — Мне нужен родительский комитет, который не будет собирать на шторы, а поможет нам с логистикой. Нам нужно будет перевозить оборудо-

вание на городской конкурс. Кто готов?

В классе воцарилась тишина. Все внезапно начали изучать свои ногти. — Если добровольцев не будет, — я позволил себе легкую улыбку, — я выберу их методом исторической случайности. Кто сидел на «камчатке» в прошлом году, тот и в комитете.

Через час, когда бумаги были собраны, а тройка «смертников» выбрана (включая маму Артема, которая внезапно согласилась, лишь бы «быть в курсе, что они там варят»), я остался один. Кабинет пах дорогим парфюмом, типографской краской и затаенной тревогой.

Я открыл свой блокнот.

«25 сентября. Поздний вечер.

Родительское собрание в 11-м — это как попытка договориться с акционерами тонущего корабля. Все боятся, что шлюпок на всех не хватит (привет, бюджетные места).

Светлана Игоревна настроена враждебно — она видит в Алле и нашем шоу угрозу карьере Лизы. Папа Марка, кажется, начал понимать, что дисциплина через интерес работает лучше, чем через ремень.

Главный итог: родители дали нам карт-бланш до первого пробника в октябре. Если баллы упадут — шоу прикроют. Ставки выросли до небес. Теперь дети должны не просто "зажечь", а доказать, что творчество не мешает учебе».

Идея пришла ко мне в три часа ночи, когда я смотрел на стопку распечатанных КИМов и понимал, что если я сам буду проверять по пятьдесят тестов в неделю, то к ноябрю возвращусь в Инну Борисовну.

Утром я зашел в лаборантскую к Алле. Она как раз оттирала какую-то подозрительную синюю субстанцию с кафеля.

— Алла, у меня есть план, как спасти наше шоу от родительского гнева и подтянуть баллы 11-му «Б». И при этом не сойти с ума.

Алла подняла бровь:

— Звучит как начало утопии или очень плохого анекдота.

— Мы вводим «Субботние слепые тесты». Каждую субботу 11-й класс пишет полноценный пробник, скачанный из закрытых баз ФИПИ. А проверять их будут... твои восьмиклассники из «Лаборатории Х».

Алла замерла с тряпкой в руке.

— Ты хочешь доверить проверку ЕГЭ детям, которые еще не знают, что такое валентность?

— Именно! Смотри: для 8-го «А» это будет квест «Найди ошибку у старшаков». Мы дадим им ключи, критерии и четкие инструкции. Для них это власть, это игра в «препода». А для одиннадцатого класса — это дикий стресс. Представь

лицо Марка или Лизы, когда они узнают, что их работу оценивал Дэн. Это заставит их писать так идеально, чтобы ни один восьмиклассник не смог придаться к запятой.

Суббота. 10:00. Кабинет №24.

Атмосфера была как на настоящем экзамене. Телефоны на столе у меня, только ручки и паспорта. 11-й «Б» пыхтел над бланками.

В 13:00 я собрал работы и перенес их в лаборантскую, где уже сидел «экспертный совет» 8-го «А».

— Так, пацаны, — Дэн потирал руки, глядя на стопку листов. — Сегодня мы — инквизиция. Вот ключи. Если в ответе «А» написано «Б» — минус. Если почерк как у курицы лапой — не засчитываем, пускай пишут разборчиво, как на реальном экзамене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.